

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
16 May 2024
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Решение, принятое Комитетом в соответствии
с Факультативным протоколом относительно
сообщения № 3039/2017* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Н.С. (представлена адвокатом Анастасией Миллер)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Казахстан
<i>Дата сообщения:</i>	15 июня 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 10 ноября 2017 года
<i>Дата принятия решения:</i>	19 марта 2024 года
<i>Тема сообщения:</i>	уголовное преследование журналиста за клевету
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	эффективное средство правовой защиты; справедливое судебное разбирательство; свобода выражения мнений; юридическая помощь
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пункт 3), рассматриваемая в совокупности со статьями 14 (пункт 1), 14 (пункт 3 а), 14 (пункт 3 d) и 19
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2 и 5 (пункт 2 b))

* Принято Комитетом на его сто сороковой сессии (4–28 марта 2024 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Родриго А. Карасо, Ивонна Дондерс, Махджуб эль-Хайба, Карлос Гомес Мартинес, Лоренс Р. Хелфер, Марсия В. Дж. Кран, Бакр Вали Ндияй, Эрнан Кесада Кабрера, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чан Рок Со, Тяня Шурлан, Кобойя Чамджа Кпча, Тэрая Кодзи, Элен Тигруджа и Имэру Тэмэрэт Йыгэзу.

*** К настоящему решению прилагаются совместное мнение членов Комитета Родриго А. Карасо и Элен Тигруджа (несогласное) и особое мнение члена Комитета Эрнана Кесады Кабреры (частично совпадающее).

1. Автор сообщения является Н.С., гражданка Казахстана 1986 года рождения. Она утверждает, что государство-участник нарушило ее права по статье 2 (пункт 3), рассматриваемой в совокупности со статьями 14 (пункт 1), 14 (пункт 3 а)), 14 (пункт 3 d)) и 19 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для Казахстана 30 сентября 2009 года. Автор представлена адвокатом.

Обстоятельства дела

2.1 Автор была журналисткой электронного издания «Республика». 23 декабря 2013 года в этом издании была опубликована статья Бахыт Ильясовой «Тендеров в Актобе на всех не хватает». 31 декабря 2013 года бывший член парламента и предприниматель по имени М.И. подал в полицию заявление о возбуждении уголовного дела о клевете против г-жи Ильясовой. 6 февраля 2014 года автор была вызвана в региональное следственное управление полиции, где ей сообщили о жалобе, поданной М.И. на г-жу Ильясову. Автор отрицала, что знает, кто такая г-жа Ильясова.

2.2 11 февраля 2014 года начальник следственного отдела полиции назначил судебную экспертизу статьи г-жи Ильясовой и статей автора, чтобы установить авторство первой. Экспертиза установила, что данная статья была написана автором. Полицейские посоветовали М.И. подать иск в суд.

2.3 5 марта 2014 года М.И. подал в городской суд № 2 города Актобе иск о возбуждении уголовного дела о клевете в отношении автора по статье 129 (3) Уголовного кодекса. В тот же день суд принял жалобу к производству, назначил автору адвоката, который так и не связался с ней, и назначил предварительное слушание на 7 марта, а первое слушание по жалобе М.И. против автора — на 17 марта 2014 года. 7 марта 2014 года состоялось предварительное судебное заседание, на котором стороны должны были быть проинформированы о своем статусе и процессуальных правах, а автору должна была быть представлена жалоба М.И. и предоставлена возможность ознакомиться с материалами дела. В протоколе судебного заседания указано, что 6 марта 2014 года секретарь суда уведомил автора по телефону о дате и времени слушания. Автор утверждает, что не получала такого уведомления и, как следствие, не присутствовала на этом слушании. Суд вынес постановление о принудительном приводе автора в суд 17 марта 2014 года. Судебный пристав сообщил суду в отчете от 7 марта 2014 года, что муж автора, А.С., сказал ему, что автор не проживает по адресу, который был указан в качестве ее контактного адреса. На отчете судебного пристава не было подписи мужа автора.

2.4 12 марта 2014 года городской суд № 2 города Актобе наложил арест на имущество автора по иску М.И. о возмещении морального ущерба в размере 10 млн тенге (примерно 54 881 долл. США на тот момент). 17 марта 2014 года участковый инспектор отправился по адресу автора, чтобы доставить ее на судебное заседание в соответствии с постановлением суда от 7 марта 2014 года. Согласно его отчету, никто не открыл дверь. На слушаниях 17 марта 2014 года суд узнал, что автор покинула страну 9 марта. Суд приостановил все разбирательства по делу и объявил автора в розыск. Суд постановил задержать автора в связи с тем, что она скрылась от суда, и передал дело в прокуратуру. 19 марта 2014 года автор узнала о постановлении о ее задержании и аресте ее имущества на веб-сайте Верховного суда.

2.5 В июне 2014 года, после подачи ходатайства о предоставлении статуса беженки в Украине¹, автор наняла частного адвоката в Казахстане. 25 сентября 2014 года автор через своего адвоката подала в городской суд № 2 города Актобе жалобу на действия судьи, председательствующего по делу, в которой просила суд: а) признать незаконным решение суда от 5 марта 2014 года о принятии к рассмотрению жалобы М.И.; и б) отстранить председательствующего судью от участия в рассмотрении дела. 2 октября 2014 года городской суд № 2 города Актобе вернул апелляционную жалобу без рассмотрения на том основании, что рассмотрение дела было приостановлено в связи с наличием неисполненного постановления о розыске и задержании автора и что никакие процессуальные действия не могут быть предприняты до отмены

¹ 21 ноября 2014 года автору и ее семье был предоставлен статус беженцев в Украине.

приостановления. 5 января 2015 года автор подал апелляцию в Актюбинский областной суд. 29 января 2015 года Актюбинский областной суд отклонил апелляцию по тем же основаниям, что и суд низшей инстанции.

Содержание жалобы

3.1 Автор утверждает, что отсутствие возможности обжаловать процессуальные решения (о принятии судом дела к производству и о выдаче постановления о розыске и задержании) в период, когда рассмотрение дела было приостановлено, нарушает пункт 3 статьи 2, рассматриваемый в совокупности с пунктом 1 статьи 14 Пакта.

3.2 Автор утверждает, что, не уведомив ее должным образом о дате и времени слушаний, суд не смог своевременно ознакомить ее с выдвинутыми против нее обвинениями, а также предоставить ей возможность защищаться лично или через адвоката по своему выбору. В этой связи она заявляет о нарушении статей 14 (пункт 3 а)) и 14 (пункт 3 d)) Пакта.

3.3 Автор утверждает, что, широко применяя уголовное законодательство, в частности, к искам о клевете в отношении лиц, выражающих свое мнение, государство-участник нарушает право на свободу выражения мнений². Она утверждает, что, приостановив рассмотрение ее дела на несколько лет и тем самым сделав невозможным ее возвращение на родину для продолжения журналистской деятельности, государство-участник нарушило ее права, предусмотренные статьей 19, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4. В вербальной ноте от 14 апреля 2018 года государство-участник представило свои замечания. Государство-участник заявляет, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты. Государство-участник ссылается на статью 291 (3) Уголовно-процессуального кодекса, согласно которой возобновление досудебного расследования может иметь место лишь в том случае, если не истекли сроки давности.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5. 6 ноября 2018 года автор ответила на замечания государства-участника. Она поясняет, что в ее случае срок давности не истек, поскольку согласно пункту 2 части 7 статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса срок досудебного расследования прерывается, если подозреваемый или обвиняемый находится за пределами территории Казахстана или скрывается от органов уголовного преследования. Производство может быть возобновлено после возвращения лица в Казахстан.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 Вербальной нотой от 20 июля 2020 года государство-участник подтвердило свою позицию относительно неприемлемости жалобы. Государство-участник утверждает, что в соответствии со статьями 415 (2)³ и 419 (1)⁴ Уголовно-процессуального кодекса автор имеет возможность обжаловать решение суда № 2 города Актобе от 17 марта 2014 года, которым производство по делу автора было приостановлено и было выдано постановление о ее розыске и задержании.

² См. [CCPR/C/KAZ/CO/1](#) и [CCPR/C/KAZ/CO/2](#); и *Канканамге против Шри-Ланки* ([CCPR/C/81/D/909/2000](#)).

³ Статья 415 (2) гласит: «На не вступившие в законную силу постановления судов первой инстанции, за исключением указанных в части третьей настоящей статьи, может быть подана частная жалоба, принесено ходатайство прокурора в порядке, предусмотренном настоящей главой».

⁴ Статья 419 (1) посвящена процедуре восстановления пропущенного срока для подачи апелляционной жалобы и принесения ходатайства прокурора.

6.2 В протоколе предварительного заседания суда от 7 марта 2014 года указано, что 6 марта секретарь суда лично сообщил автору по телефону о дате и времени слушания. На это слушание автор не явилась. Когда судебный исполнитель пришел по известному адресу автора, муж автора, А.С., сообщил ему, что автор по этому адресу не проживает. Согласно протоколу судебного заседания от 17 марта 2014 года, автор не могла быть доставлена на судебное заседание участковым инспектором в этот день, поскольку никто не открыл дверь по ее адресу. После того как суд установил, что автор покинула страну, он принял решение приостановить рассмотрение дела и выдать постановление о розыске и задержании автора.

Дополнительные комментарии от автора

7.1 17 ноября 2020 года автор представила свои комментарии к дополнительным замечаниям государства-участника. Автор повторяет свою позицию, согласно которой внутренние средства правовой защиты были ей недоступны. Она настаивает на том, что производство по ее делу может быть восстановлено только после ее возвращения.

7.2 Автор отрицает утверждение государства-участника о том, что 6 марта 2014 года суд проинформировал ее по телефону о слушании дела 7 марта. Она не получала сообщения, и государство-участник не представило никаких доказательств того, что такое сообщение было отправлено.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет должен решить в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

8.2 Согласно требованиям статьи 5 (пункт 2 а)) Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

8.3 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку у нее имеется возможность обжаловать решение городского суда № 2 города Актобе от 17 марта 2014 года, которым производство по ее делу было приостановлено и было выдано постановление о ее розыске и задержании (см. пункт 6.1 выше). В этой связи Комитет также принимает к сведению контраргумент автора о том, что суды отклонили ее апелляции (см. пункт 2.5 выше). Комитет далее отмечает, что в решениях национальных судов (см. пункт 2.5 выше) четко указано, что любые процессуальные действия по делу автора были приостановлены на основании действительного постановления о розыске и задержании автора и того факта, что дело автора было передано в прокуратуру и еще не вернулось в суд для возобновления производства. С учетом выводов национальных судов Комитет считает, что у автора не было других эффективных средств правовой защиты, которые она могла бы исчерпать. Таким образом, положение статьи 5 (пункт 2 б)) Факультативного протокола не препятствует Комитету рассмотреть настоящее сообщение.

8.4 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что, приостановив все разбирательства по ее делу, государство-участник лишило ее возможности обжаловать выдвинутые против нее уголовные обвинения и выдачу постановления о ее розыске и задержании. Комитет также отмечает, что производство по делу автора было приостановлено, когда городской суд № 2 города Актобе узнал, что автор покинула страну. Комитет далее отмечает, что автор покинула страну, чтобы избежать уголовного преследования за клевету по статье 129 (3) Уголовного кодекса. Максимальное наказание по этой статье — три года лишения свободы. Автор не заявляла о риске причинения непоправимого вреда, который вынудил ее покинуть

страну⁵. Комитет отмечает, что приостановление уголовного производства в случае выезда обвиняемого по уголовному делу за пределы страны и вытекающие из этого последствия являются общей процессуальной нормой внутреннего уголовного законодательства (ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса), а не чем-то, оставленным на усмотрение суда. Комитет отмечает, что производство по делу было приостановлено, поскольку автор покинула страну. В этих обстоятельствах Комитет считает жалобу автора по статье 2 (пункт 3), рассматриваемой в совокупности со статьей 14 (пункт 1) Пакта, недостаточно обоснованной и неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.5 Комитет отмечает утверждение автора о том, что суд не уведомил ее о дате и времени слушаний 7 и 17 марта 2014 года в нарушение статей 14 (пункт 3 а)) и 14 (пункт 3 d)) Пакта. Комитет также отмечает, что пункты 2–5 статьи 14 содержат процессуальные гарантии, предоставляемые лицам, которым предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления⁶. Комитет далее отмечает, что, хотя частная уголовная жалоба, поданная М.И. против автора, была принята к рассмотрению городским судом № 2 города Актобе, автору не были предъявлены обвинения, судебное разбирательство по ее делу не проводилось и суд не вынес никакого решения. На основании имеющихся в деле документов Комитет отмечает, что судебное заседание, состоявшееся 7 марта 2014 года, носило предварительный характер и что в отношении автора в ее отсутствие не было принято никакого решения по существу. Комитет также отмечает, что, как только 17 марта 2014 года суду стало известно о том, что автор покинула страну 9 марта 2014 года, он не стал проводить заочное судебное разбирательство, а приостановил производство по делу. Таким образом, в контексте статьи 14 (пункт 1) не было вынесено решение о предъявлении автору уголовных обвинений, что привело бы к возникновению процессуальных гарантий, предусмотренных статьями 14 (пункт 3 а)) и 14 (пункт 3 d)) Пакта. Поэтому Комитет приходит к выводу, что утверждения автора по статьям 14 (пункт 3 а)) и 14 (пункт 3 d)) являются недостаточно обоснованными и неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.6 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что, преследуя ее за клевету в уголовном порядке, государство-участник нарушило ее права по статье 19 Пакта. Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 34 (2011), пункт 47 которого гласит:

Необходимо тщательно подходить к разработке законов, касающихся клеветы, обеспечивать их соответствие положениям пункта 3, а также не допускать, чтобы они на практике использовались для ограничения права на свободное выражение мнений. Во все такие законы, в частности уголовные законы, касающиеся клеветы, следует включить такие формы защиты, которые отвечают интересам правдивости ...В любом случае наличие общественного интереса к объекту критики следует рассматривать в качестве элемента защиты. Государствам-участникам следует принимать меры во избежание чрезмерных мер наказания и штрафов. ...Государствам-участникам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания.

8.7 Комитет отмечает, что в своем замечании общего порядка № 34 (2011) он не считает, что криминализация клеветы сама по себе нарушает Пакт. В соответствии с этим замечанием общего порядка государствам следует проявлять осторожность в отношении чрезмерно широкого применения уголовного законодательства в контексте свободы слова, предоставлять ответчикам возможность установить истину, принимать во внимание социальную значимость заявления и избегать во всех случаях вынесения приговоров к лишению свободы за клевету. В данном случае, поскольку автор покинула страну и, следовательно, лишилась возможности оспорить иск в суде,

⁵ *Брюэр-Кариас против Боливарианской Республики Венесуэла*, (CCPR/C/133/D/3003/2017), п. 9.8.

⁶ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 3.

Комитету преждевременно рассматривать жалобу о неправомерном применении закона, когда по делу еще нет окончательного судебного решения⁷. Таким образом, Комитет считает утверждения автора по статье 19, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 2 (пункт 3) Пакта, неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола как недостаточно обоснованные.

9. Комитет, соответственно, постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

⁷ Ср. *Брюэр-Кариас против Венесуэлы; Адонис против Филиппин* (CCPR/C/103/D/1815/2008/Rev.1), п. 7.10; *Канканамге против Шри-Ланки*, п. 9.4.

Приложение I

Совместное мнение членов Комитета Родриго А. Карасо и Элен Тигруджа (несогласное)

1. Мы не можем следовать линии аргументации Комитета в этом деле, которое поднимает важные вопросы свободы выражения мнений и неуместного использования уголовной процедуры национальными судами. Нас не убедил общий подход Комитета к рассмотрению жалобы. В том, как Комитет рассмотрел это дело, есть, по крайней мере, два серьезных недостатка: первый касается ситуации автора, а второй — взаимосвязанный, но в еще большей степени касающийся — свободы выражения мнений, закрепленной в статье 19 Пакта.

2. Что касается ситуации автора, то, действительно, фактическая сторона дела не совсем ясна: например, автор пояснила, что вместе со своей семьей она бежала в Украину, где ей был предоставлен статус беженки (пункт 2.5), однако она не уточнила, на каком основании им был предоставлен этот статус. Однако, несмотря на эту важную информацию, Комитет проигнорировал профессиональную и личную ситуацию автора. В пункте 8.4 он отметил, что «автор покинула страну, чтобы избежать уголовного преследования за клевету по статье 129 (3) Уголовного кодекса». Далее он отметил, что «автор не заявляла о риске причинения непоправимого вреда, который вынудил ее покинуть страну», и что «приостановление уголовного производства в случае выезда обвиняемого по уголовному делу за пределы страны и вытекающие из этого последствия являются общей процессуальной нормой внутреннего уголовного законодательства ... а не чем-то, оставленным на усмотрение суда». Комитет отметил, что производство по делу было приостановлено, поскольку автор покинула страну. Поэтому, независимо от статуса беженки автора, Комитет рассматривал дело так, как если бы она бежала от справедливого уголовного процесса, открытого против лица, справедливо обвиняемого в совершении серьезного уголовного преступления. Комитет полностью упустил из вида статус беженки, упомянутый автором, а тот факт, что она и ее семья получили такой статус от Украины, просто не учитывается в аргументации.

3. Что еще более важно, Комитет ничего не говорит о применении уголовно-процессуального и материального права за клевету в отношении автора, которая является журналисткой (пункт 2.1), преследуемой за то, что она является автором статьи, касающейся вопросов общего интереса. Комитет полностью упустил из вида букву и дух своего замечания общего порядка № 34 (2011), в частности его пункта 38: «В условиях публичных дебатов, касающихся публичных деятелей из сферы политики и государственных учреждений, ценность, которую Пакт придает свободному выражению мнений, особенно высока. Таким образом, одного лишь факта, что формы выражения мнений оскорбляют какого-либо общественного деятеля, недостаточно для того, чтобы обосновать установление наказаний, хотя общественные деятели также могут в своих интересах использовать положения Пакта. Более того, все общественные деятели, в том числе представители высшей политической власти, такие как главы государств и правительств, могут на законных основаниях становиться объектом критики и нападок политической оппозиции. По этой причине Комитет выражает обеспокоенность в связи с законами о таких действиях, как оскорбление высшего государственного лица, неуважение к суду, неуважение к представителям власти, неуважение к флагу и символике, клевета на главу государства, защита чести государственных должностных лиц; он также заявляет, что законом не должны устанавливаться более жесткие меры наказания исключительно в связи с положением личности индивида, чья репутация была якобы подвергнута сомнению».

4. В своей аргументации Комитет принял во внимание два элемента: тот факт, что уголовное дело за клевету было возбуждено частным лицом против другого частного лица, и то, что производство по делу еще не завершено. Однако первый элемент не имеет значения в том смысле, что в данном случае речь идет об уголовном

преследовании журналистки, которая предположительно является автором спорной статьи, представляющей общественный интерес. Второй элемент также не имеет значения, поскольку сдерживающее воздействие такого криминального аппарата очевидно и само по себе является ограничением свободы журналистов осуществлять свою деятельность и права общественности на получение информации. Комитет упустил возможность последовать четкой международной и региональной линии против уголовного наказания за клевету и более подробно остановиться на соразмерности вмешательства в осуществление журналистами своей свободы информировать общество на темы, представляющие общий интерес. В своем тематическом докладе за 2012 год Специальный докладчик по вопросу о свободе выражения мнений в связи с тем, что «продолжают существовать и применяться уголовные законы в отношении журналистов и сотрудников средств массовой информации, которые нередко используются властями для замалчивания “неудобной” информации и препятствования журналистам в освещении аналогичных тем в будущем. Следовательно, существует сдерживающий эффект, препятствующий освещению вопросов, представляющих общественный интерес. Обвинения в измене родине, подрывной деятельности и противодействии национальным интересам продолжают выдвигаться против журналистов в мировом масштабе наряду с обвинениями в терроризме и преступной диффамации за ложные сообщения или оскорбление национальных или религиозных чувств»¹. Аналогичным образом, Африканская комиссия по правам человека и народов призвала к декриминализации диффамации и клеветы в своей Декларации принципов свободы выражения мнений и доступа к информации в Африке, принятой в 2019 году². Это соответствует стандартам, уже подтвержденным органами Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Совета Европы и Организации американских государств³.

5. Несмотря на не вполне ясные фактические обстоятельства данного дела, решение Комитета о неприемлемости не только выглядит проблематичным с юридической точки зрения, но и противоречит устоявшимся международным и региональным тенденциям в пользу декриминализации диффамации и клеветы.

¹ [A/HRC/20/17](#), п. 79.

² В частности, принцип 22 (3), который гласит: «Государства должны изменить уголовное законодательство о диффамации и клевете в пользу гражданских санкций, которые сами должны быть необходимыми и соразмерными».

³ См., например, План действий Организации Объединенных Наций по обеспечению безопасности журналистов и проблеме безнаказанности.

Приложение II

[Оригинал: испанский]

Особое (частично совпадающее) мнение Эрнана Кесады Кабреры, члена Комитета

1. Хотя я в целом согласен с решением Комитета по данному сообщению, я не согласен с линией аргументации, которой следуют некоторые части решения.
2. Во-первых, мне кажется, что пункты 8.4 и 8.5 решения содержат рассуждения, которые не согласуются друг с другом. Что касается пункта 8.5, то предполагается, что пункты 2–5 статьи 14 Пакта предусматривают процессуальные гарантии, предоставляемые лицам, обвиняемым в совершении уголовного преступления; затем добавляется, что, хотя городской суд № 2 города Актобе принял к рассмотрению жалобу, поданную против автора г-ном М.И., автору не было предъявлено никаких обвинений, суд не состоялся и не вынес никакого решения, и, наконец, заключается, что в контексте пункта 14 статьи 1 Пакта не было обосновано уголовное обвинение против автора, что дает основания для процессуальных гарантий, предусмотренных в подпунктах а) и d) пункта 3 статьи 14 Пакта. Такой вывод действительно согласуется с пунктом 1 статьи 14 Пакта и пунктами 2–5 того же положения.
3. Однако пункт 8.4 решения, чтобы признать неприемлемым утверждение о нарушении пункта 3 статьи 2 в сочетании с пунктом 1 статьи 14 Пакта, не исходит из того, что уголовное обвинение не было обоснованным, что дало бы место гарантии эффективного средства правовой защиты (пункт 3 статьи 2 Пакта) в сочетании, в данном случае, с пунктом 1 статьи 14 Пакта. Этот вопрос не рассматривается, несмотря на то, что речь идет о вышеупомянутой статье 14 (пункт 1), которая предполагает для своего применения, в конкретных обстоятельствах данного дела, наличие уголовного обвинения, выдвинутого компетентным органом, а не простой частной жалобы.
4. С другой стороны, в решении говорится, что автор покинула страну, чтобы избежать уголовного преследования за клевету; что приостановление уголовного производства, когда обвиняемый покидает страну, а также последствия этого, является общей процессуальной нормой внутреннего права, а не чем-то, оставленным на усмотрение суда, и что производство по делу было приостановлено, поскольку автор покинула страну. Все это, согласно решению Комитета, указывает на то, что утверждение о нарушении пункта 3 статьи 2 и пункта 1 статьи 14 Пакта является недостаточно обоснованным и неприемлемым.
5. Этот последний довод противоречит предположению о том, что мы не имеем дело с обвинениями в совершении уголовного преступления или с обоснованием обвинения в совершении уголовного преступления. Если следовать логике этой посылки, то утверждения автора, рассмотренные в пункте 8.4 решения, могли бы быть отклонены на тех же основаниях, что и утверждения, рассмотренные в пункте 8.5 выше.
6. Однако именно те элементы, которые содержатся в пункте 8.4 решения, вместе с другой справочной информацией по делу, скорее указывают на возможное нарушение статьи 19 Пакта, поскольку, возможно, имело место нарушение свободы выражения мнения автора, о котором заявило частное лицо, в результате статьи, предположительно написанной ею в интересах общества. С этой точки зрения, представляется необоснованным *prima facie* постановление о задержании лица, на которое поступило заявление, причем не из прокуратуры или других государственных органов, а просто от одного частного лица. Государство-участник не объяснило необходимость и соразмерность столь серьезной меры, которая, наряду с уголовным преследованием в целом, могла послужить причиной бегства автора из страны. В этой связи в решении лишь отмечается, что приостановление уголовного производства и его последствия — которые должны включать в себя постановление о заключении под

стражу лица, на которое подана жалоба, — предусмотрены общей процессуальной нормой внутреннего права, а не являются мерой, оставленной на усмотрение суда. Однако Комитет не смог установить, во-первых, было ли постановление о заключении под стражу автора единственной мерой пресечения, которую мог принять суд, или же существовали альтернативные варианты; во-вторых, в отсутствие альтернатив, была ли эта процессуальная норма необходимой и соразмерной, и, в-третьих, в отсутствие альтернатив, было ли решение судьи необходимым и соразмерным в данном случае.

7. Несмотря на то, что уголовное разбирательство оставалось на предварительной стадии, факты свидетельствуют о том, что государство-участник запустило систему уголовного преследования журналистки за предполагаемое преступление клеветы, о котором сообщило частное лицо, приняв меры, угрожающие ее личной свободе и вынудившие автора покинуть страну. В этой связи следует напомнить, что, по мнению Комитета, государствам-участникам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания¹. Если лишение свободы не является адекватной мерой наказания, то любая мера в виде лишения свободы, назначенная в результате уголовного разбирательства по делу о клевете, ни при каких условиях не должна считаться адекватной.

8. Исходя из вышеизложенного, я считаю, что Комитет мог бы более тщательно рассмотреть вопрос о возможном нарушении свободы выражения мнений, приняв во внимание, среди прочих элементов, уголовное преследование автора по частной жалобе на клевету. Это могло привести или не привести к принятию другого решения, но только после того, как был проведен более полный анализ всех элементов дела.

¹ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 47.